

Сказ о Б-инь и П-ян

16+

Евгения Зальцзейлер

Евгения Зальцзейлер

Сказ о Б-инь и П-ян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56280175

SelfPub; 2020

Аннотация

"Сказ о Б-инь и П-ян" впервые появился в качестве эпилога в книге автора "Сила Троиш. Будни бизнеса". По просьбам читателей, которые часто спрашивали о происхождении кланов, автор решила издать полную версию этой захватывающей истории. В некотором царстве, в некотором государстве жили в мире и дружбе предприниматели и бухгалтеры под мудрым руководством царя Евродолла. Но не всем было по нраву такое положение дел. Злой племянник царя Ла-гон решил стать могущественным колдуном и захватить власть в тридцать девятих землях. И пока сыновья Евродолла Песо и Бат отбыли в соседнее царство свататься к царевне Елене, Ла-гон отправился к Чернобогу...

В некотором царстве, в известном государстве, в тридцать девятых землях жили были клан бухгалтеров Б-инь и клан предпринимателей П-ян. Тысячу лет они враждовали. Может, и не враждовали, но досаждали друг другу изрядно.

Клан Б-инь жил в красивом деревянном городе Баланс. Жители вели размеренную жизнь и никогда никуда не торопились. Только раз в три месяца лучшие из лучших впадали в буйство и помешательство на несколько недель. В этот период их никто не трогал и все побаивались. В городе было много лавок со сладостями различными: от баранок до пирожных. Особенно многочисленными в городе были чайные и кофейни. Уж очень уважало население пить чай да и от кофейка хорошего не отказывалось. Царём у Б-инь был в ту пору ГлавУх, и жил он в самом лучшем доме города с сервером в тайной комнате.

Клан П-ян жил в белокаменном городе Прибыля с позолоченными унитазами и серебряными кранами в виде рыбок. На центральной площади города бил фонтан из бренди красоты неопишуемой. Жители этого города, напротив, всё время куда-то спешили, постоянно вели переговоры с кем-то, периодически в шутку обещая с этим кем-то расправиться. Только два раза в год – зимой и летом – город практически пустел: горожане уезжали в края европейские и морские. Правил кланом царь Мбиз. Его дом насчитывал сто комнат и никто не знал, в какой деньгохранилище с рублями российскими и евро с долларами. Ещё славился Мбиз конюш-

нею знатною на десять лучших жеребцов со всего света: от немецких и итальянских до заморских американских.

Неподалёку от двух городов на опушке леса Неизвестности ютилась деревенька Байт, в которой жил народ Проги. У них не было царя. Каждый жил как хотел, да и некогда им было оглядываться на соседей. Каждый прог был занят своим делом и жил в собственном мире. Изредка проги торговали с б-инями и п-янами, обменивая результат своего труда на плюшки и чай или бренди и сигары. До междуусобиц горожан им дела не было.

Так и жили кланы, время от времени делали друг другу пакости, но ненависти особой не испытывали.

А в самой чаще леса Неизвестности было святилище “бога” Логна. Его адепты наводили ужас на кланы Б-инь и П-ян и ежеквартально требовали дань. Раз в год, в день Великой Сдачи Годового отчёта, им приносили в жертву самую красивую девушку из клана Б-инь и самого умного юношу из П-ян. Никто не знал, что с ними случалось, ибо никто из леса не возвращался. За это и прозвали его лесом Неизвестности.

Никто не ведаёт, как давно случилась эта история и была ли она вообще. Но легенда сохранилась.

Тысячу, а может более, лет назад в тридцать девятых землях правил царь Евродолл. Правил мудро и степенно, за что народ его очень любил и уважал. И не было в те времена отдельных кланов. Жили бухгалтеры, предприниматели и проги бок о бок весело и дружно.

Между городами текла речка Залатырь. Через неё из Баланса в Прибыля был перекинут мраморный мост с гранитовыми опорами и бронзовыми ограждениями. И свободно ходили в гости друг к другу жители обоих городов: предприниматели и проги с удовольствием лакомились плюшками, заморским кофеём да чаем в заведениях общепита Баланса, а бухгалтеры ходили поглазеть на диковинных жеребцов да угоститься бренди из фонтана в Прибыля.

И было у царя, как положено, два сына – Бат и Песо.

Старший сын, Песо, был высоким, стройным, красивым блондином с пленительной улыбкой, от которой все девицы тут же начинали чувствовать слабость в коленях и дрожь в юных сердцах. К тому же он был прекрасным оратором, ничуть не уступая в пламенности речей Цицерону, и мог продать любую вещь, даже прогам, которые отличались редкой прижимистостью и равнодушием к любому имуществу.

Младший сын, черноволосый и немного склонный к полноте Бат, был не так красив и высок, как его старший брат, но умён сверх всякой меры. Никто в царстве не мог сравниться с ним в игре в шахматы или в счёте в уме. Он прочитал все книги в своём государстве (а также в соседних) об экономике и политике. Владел пятью заморскими языками, сочинял стихи и музицировал на арфе. Девушки также не обходили своим вниманием Бата.

И был ещё у Бата и Песо брат двоюродный, Ла-Гон, кузен по материнской линии. К большому несчастью, был он

хром и горбат, и нрав имел поэтому угрюмый. Никто с ним дела не имел, кроме братьев, которые любили его и увечий не замечали. За это ненавидел их Ла-Гон ненавистью лютой и тайной.

Царь Евродолл был не только умным, но и дальновидным правителем. Видел он, какие разные у него растут сыновья, как Инь и Ян, и не хотел он ссоры между ними в будущем. Поэтому ещё при жизни разделил свое наследство: город Прибыля отходил старшему сыну, а Баланс – младшему. Поскрипел Песо с досады зубами, да делать нечего: воля батюшки нерушима и не обсуждаема.

Когда братья достигли возраста мужей, решили они, что им пора жениться. И стали они искать невест, достойных их царского происхождения. Искали одно да по-разному.

Песо хотел жену красивую и скромную. Чтобы молчать была приучена в присутствии мужа дабы не тягаться с ним в красноречии. Супруга, по мнению Песо, должна служить украшением любого пира у царя-батюшки, любить наряды да камни драгоценные и более ничего лучшего не желать.

Бат мечтал о жене умной, образованной и, знамо дело, хозяйственной. Чтобы одинаково хорошо и в книжных премудростях разбиралась, и в кулинарных изысках. Супруга, по мнению Бата, должна быть ему лучшим другом и наперсницей во всех делах, а плюшки, как известно, вдвоём веселее и вкуснее с чаем кушать.

Ла-гон же о женитьбе не мечтал, а думу чёрную думал: как бы братьев извести и самому вместо них единолично на трон сесть.

И тут разнеслась весть по земле русской: царь семьдесят седьмых земель дочь замуж выдаёт, а с ней, как водится, полцарства в придачу. Царевна – редкая красавица и умница. А как же иначе, других на земле нашей, хоть кого спроси, не водится.

Засобирались братья в дорогу дальнюю, чай не рукой подать до семьдесят седьмых земель. Выбрали они самых крепких коней из царских конюшен, взяли с собой дары богатые и, помолясь, в путь-дорожку отправились.

Звали они с собой и Ла-гона, но отказался он с ними ехать, ибо придумал он план коварный, как извести царя Евродолла, дядюшку своего, в их отсутствие. Узнал он из книг старинных, что в самой глухой части леса Неизвестности посреди жуткого болота есть храм Чернобога – божества, которое может дать тебе силу великую, силу колдовскую, ежели принести ему в ночь Кровавой луны жертву невиданную. Раз в сотню лет обагрялась луна кровию жертв невинных, и как раз наступала такая ночь через три дня.

Долго ли, коротко скакали братья, и вот через три недели достигли шестьдесят седьмых земель. Здесь они решили остановиться на несколько дней, привести себя в порядок, прежде чем предстать пред очи невесты.

И тут завязался спор между братьями: кто из них более

достоин жениться на царевне. Песо считал, что так как он старший брат и больше вышел статью и красноречием, то именно он должен идти первым свататься. Бат же возражал, что царь-батюшка разделил царство поровну, и теперича оба они наследники. Да и умом он сильнее, чем Песо будет, а это для царствования более пригодно, чем рожа красивая. И чем больше братья спорили, тем сильнее разрастался их гнев друг на друга. И вот в ярости выхватили они мечи из ножен и схватились в бессмысленном поединке.

Тем временем в семьдесят седьмом царстве шла борьба не менее яростная, хоть и словесная. У царя Москаля было две дочери: Елена – красоты неопишуемой, но ума небольшого (что, конечно, являлось тайной государственной) и Анна, девушка внешности заурядной, зато способностью к управлению наделённая. И мечтал царь наследницей сделать Анну, дочку младшую и любимую. Но вперёд нужно было выдать замуж дочь старшую и желательно за наследника иноземного.

А Елена строптивилась, мол: “Подавайте мне жениха молодого да красивого, а не старого и плешивого!” А где ж ей батюшка не плешивого возьмёт? Ведь дела государственные силы мужской и красоты не добавляют. И так она измучила царя, что пообещал он её, как водится, отдать за первого по-сватавшегося к ней жениха, а иначе сошлёт в монастырь. И это его последнее слово отеческое и царское, и не жаль даже полцарства отдать в таком случае.

А что ж наши герои, яростью ослеплённые? Первым младший брат образумился: *“Да что ж мы творим-то, неразумные. Мы же братья р’одные! Неужель меж нами станет ненависть лютая из-за девицы, нами даже не виденной?”* Но охваченный гневом доселе неиспытанным бросил Песо слова необдуманные: *“Ты не брат мне более. Отныне я знать не хочу ни имени твоего, ни судьбы”*. Остолбенел от таких слов обидных Бат. Молча оседлал он коня своего верного и отправился восвояси.

И не знали братья, что уже стали сиротами, а царство их в великой опасности...

На третий день после отъезда братьев за невестою отправился Ла-гон в лес Неизвестности к храму Чернобога. Пройдя по тропе через болото окаянное, тайну которой ему книги древние открыли, он очутился в святилище. Место это было страшное, пустынное. Стены храма были вырезаны из черного мрамора. Посреди зала главного стоял алтарь языческий, сплошь усеянный знаками мистическими. И ведал Ла-гон, чтобы вызвать Чернобога, нужно принести ему жертву кровавую – тварь живую. Но ежели об услуге его просить, то надобно часть плоти своей отдать и от души бессмертной отказаться. Не все решались на жертву такую. Но Ла-гон был отравлен ненавистию беспросветною и жаждою власти неутолённою и готов был на любые условия.

В полночь, когда луна окрасилась кровию, взмахнул он

ножом жертвенным и отрубил себе руку левую. Полилась кровь горячая на алтарь, наполняя силою письмена древние. Подавляя боль невиданную и крик, из груди рвущийся, подставил Ла-гон чашу ритуальную под явоть кровавую и прочитал слова заветные, взывая к Чернобогу.

И явился ему бог смерти всего сущего.

– Почто ты меня потревожил, смерд несчастный? Зачем принёс жертву великую? Чего тебе надобно от меня взамен?

– О, великий Чернобог! Прошу, дай мне силу колдовскую и способность управлять всякой живой тварью земной! И жизнь вечную...

– Не могу я сделать тебя бессмертным, богу подобным. Но ты можешь продлить жизнь свою жалкую, данью оплачивая каждый прожитый час. Что дороже всего в этом мире тебе?

– Власть и злато, мой повелитель.

– Хорошо, дам я власть тебе над всеми стихиями и силу подчинять воле своей тварь любую, на земле живущую, будь то человек али зверь лесной али птица вольная. Раз в год в этот день будешь платить мне дань золотыми и серебряными монетами, по одной за каждый день прожитый. Но не будет у тебя души человеческой. И чувств, кроме жажды власти. И лик твой противен солнцу станет. Так и будешь до скончания дней своих проклятым. Согласен ли ты на такие условия?

– *Согласен!*

– *Выстрой храм вокруг моего капища, скрой от глаз людских его. Дабы больше никто не мог потревожить покой мой просьбами мирскими. Дань вместе с жертвою на алтарь возлагать будешь.*

И исчез Чернобог, будто не было его.

И тотчас почувствовал Ла-гон в себе силу великую. Бросил взгляд на дерево засохшее, и в тот же миг загорелось оно. Повёл рукой над водами болота – изник столб воды зловонной, распростёр над землёю – и овраг возник. Дунул, что есть сил – буря поднялася. Засмеялся Ла-гон смехом, леденящим кровь в жилах, и отправился к своему дяде Евродоллу. По пути увидел он озерце малое, взглянул на себя и отшатнулся в ужасе. Из воды глядело на него чудовище: вместо лица человеческого – череп, горелой кожей обтянутый, с глазами красными, отражающими пустоту бездонную. И решил тогда он имя принять новое, наводящее страх и ужас на род людской – ЛогНА.

Подчинив своей воле медведицу дикую, горделиво он въехал во врата города, ему ненавистного, прямо ко дворцу белокаменному. Не посмела стража царская препятствия ему чинить, посему и в живых осталася. Евродолл как увидел это зрелище жуткое – живой труп верхом на медведице – так и замер на троне восседаючи.

– Не признал меня, дядюшка? – спросило его чудище.

– Ла-гон? Ты ли это, племянник мой, сын сестры жены моей любимой?

– Не зови меня смертным именем. Я теперь Логна зовусь, и бессмертен я, яки боги небесные. Поклонись мне в ноги как владыке живота твоего! И быть может, пощажу я тебя и народ твой.

– Негоже царю перед колдуном колени преклонять!

– Что ж, воля твоя, дядюшка.

И вырвалась из глаз Логна молния и испепелила Евродолла. Испугалась свита царская, и тотчас все ниц перед чародеем пали. Сел на трон вожделенный Логна и велел лучших кузнецов и каменщиков привести к нему. И предстали пред ним проги гордые – мастера на все руки лучшие.

– Коли выстроите мне храм удивительный, я помилю вас всех как одного.

– Не боимся мы смерти поганой. Договор другой у нас к тебе, колдун. Ежели выстроим мы храм по нраву тебе, ты отпустишь нас на все четыре стороны, и не будет у тебя власти ни над нами, ни над потомками нашими.

– Хорошо, будь по-вашему.

Семь дней прошло, заскучал Логна. Не по нраву пришлось ему царствование. И казни уже не радуют, и раболе-

пие приелося, да и слово Чернобогу данное исполнять надобно. И тогда он указ издал: “Пусть братья мои двоюродные правят вашими народами, как и д’олжно быть. Но за это накладываю на вас дань немалую. Раз в три месяца вы должны к храму моему приносить пятьдесят монет золотом и пятьдесят серебром. А раз в год в последний день марта отчёт о прибылях своих предоставлять и присылать ко мне в услужение самую красивую девушку и самого умного юношу.” И как только проги закончили храм, затворился в нём. А бояре послали гонцов Песо и Бата найти да вернуть их на родину.

А тем временем в семьдесят седьмых землях Песо явился к царю Москалю дочь его Елену за себя сватать. Ох, и обрадовался ему царь, парень и статный и красивый, всё как дочь его хотела. Встретил его как самого дорогого гостя: за стол рядом с собой усадил и давай его выспрашивать. Мол, как звать-величать, какого рода-племени. А Елена тем временем в шелку подглядывала. Царевич Москалю отвечает, что мол так и так, рода я царского, из тридцать девярых земель к вам прибыл, прослышав о красоте вашей дочери. А зовут меня Песо, сын Евродолла. Ещё больше Москаль обрадовался, говорит:

– Люб ты мне мне, Песо-царевич. Выдам за тебя я дочку с великой радостью, и полцарства в придачу дам. Но пойдёт ли за тебя Елена, того знать не ведаю.

Отвечает ему царевич с гордостью:

– Да не надобно мне полцарства вашего, у меня своё имеется. А царевне я чем могу не понравиться? Али не красив я, али не молод? Да и силой мужской бог не обидел.

Ворвалась тут Елена в палаты батюшкины и закричала: *“Согласная я, пойду за него замуж!”*

Царь Москаль, не помня себя от счастья (и чтобы жених не дай бог не передумал) тотчас отдал распоряжение к свадьбе готовиться. Ведь давно уже и платье, и приданое готово. Три дня гуляло семьдесят седьмое царство на свадьбе Песо и Елены. Тут и гонцы с родины подоспели. Как услышал Песо весть печальную, сразу домой засобирался с молодой женой. А гонцам наказал брата своего Бата разыскать.

В тоже самое время Бат ехал на своём коне куда глаза глядят. Ехал он долго. Побывал в двадцать шести землях, видал источники дивные, из-под земли бьющие. А вода в тех источниках не простая, а целебная, и грязь вокруг них любую хворь как рукой снимает. Затем путь его лежал через двадцать третьи земли: тоже край красоты волшебной, одно море никогда им невиданное чего стоило...

Раз заехал Бат на постоянный двор, коня накормить да самому переночевать перед дорогой дальнею. И увидел он там дочь купеческую красоты неопишумой. Коса толстая цвета

пшеничного через плечо пухлое перекинутая, глаза словно в них небо опрокинулось, губы что лепестки розы красной, и ямочки лукавые на ланитах веснушчатых. И разом пропал царевич, глядя в очи девичьи. Поднесла ему кувшин с квасом, а он её и спрашивает:

– *Как зовут тебя, красна девица? Чья ты дочь будешь, свет очей моих.*

– *Марьяною кличет батюшка,* – потупив глаза, молвила девица. – *А зачем тебе знать о моей семье?*

– *Я Бат-царевич, сын Евродолла. Хочу посвататься к тебе.*

– *Так уж и посвататься. Ты же видел меня всего лишь раз один. Может, дура я, каких свет ни видывал, или вовсе бесприданница.*

– *Не беда, ежели нет приданного, мне оно и без надобности. А вот жить без тебя уж не смогу я на свете белом. Али не люб я тебе?*

Засмушалась красна девица и скрылась в доме неотвечивши. Закручинился наш царевич тоскою любовною. Не был он, как брат, молодцем в себе уверенным, да и любовь к яствам кулинарным отразилась на фигуре не лучшим образом. Утром, голову повесив, засобирался он в путь дальше. Тут настигли его гонцы с родины и рассказали про времена тёмные и смерть царя-батюшки. И тогда обрета решимость

неизвестно откуда взявшуюся, постучался он в окно Марьяны. Вышел к нему купец – отец девушки, и низко поклонился ему.

– Здравствуй, Бат-царевич. Чем могу служить тебе?

– Не отдашь ли за меня дочь свою, Марьяну?

– Да достойна ли тебя дочь купеческая, ведь тебе только царевна пара.

– Это мне решать, кто женою моей будет. Лишь бы дочь твоя была согласная. Но узнал я вести ужасные: убит батюшка мой силой тёмною. Так что решай быстро, купец, отдашь за меня свою дочь? Она царицею в моих землях будет.

– Да, чего ж не отдать-то, но и её согласия спросить надобно, это ты верно молвишь, царевич.

И позвал он дочь свою и спросил:

– Люб тебе, Марьяна, Бат-царевич? Пойдёшь за него по воле своей?

– Очень даже люб, батюшка. С радостью женой его стану я.

На том и порешили. Из-за спешки Бата в родные края свадьбу пышную играть не стали. Позвали священника, чтобы он обвенчал молодых, скоро за столом посидели и в путь от-

правились в тридцать девятые земли.

Долго ли коротко ли, но добрались братья с молодыми жёнами в своё царство. Песо поселился во дворце отцовом в Прибылях, а Бат согласно воле батюшки, стал править Балансом. Руки при встрече они друг другу не подали, и даже горе общее не сплотило братьев. Да ещё как на грех, жёны их разругались. Елена, как узнала, что Марьяна кровей не царских, а купеческих, то одной землёй с ней ходить отказалась. И тогда Бат разозлился окончательно и велел город обнести забором каменным, а мост через реку Залатырь разрушить на века вечные.

Поделили они народ и дань надвое и отныне пошли каждый своею судьбиною. Из потомков Бата произошел клан Бинь, род бухгалтеров великих. А клан предпринимателей Пян начал свою историю от детей Песо и Елены.

Легенда легендою, а мы вернемся в наши дни.

У царя ГлавУха, пра-пра- (много раз пра-) правнука Бата, была дочь единственная, и он в ней души, конечно, не чаял. Растил её без матери (мать отдали в полон Логна) и строго-настрого запрещал ей общаться с кем-то из клана Пян. Звали её Василиса-бинь-мудрая. А попросту Васькой.

И как вы уже, наверное, догадались, у потомка Песо, царя Мбиза, был единственный сын – наследник Иван-пян-царевич. По-семейному Ванькой кликали. Естественно, якшаться с кем-либо из б-иней ему также было строжайше запрещено.

Но Васька с Ванькой беззаботно плевали на родительский запрет и были лучшими друзьями с малых лет. Сколько они сотворили шалостей вместе! Сколько нянек довели до белого каления! И были они как иголка с ниткой: куда Васька, туда и Ванька, и наоборот.

Шли годы. Выросли детишки и (куда ж им деваться-то) влюбились друг в друга. Но знали они, что царственные тяти ни за что не позволят им быть вместе. Ибо многолетняя вражда превыше всего.

А тут им по восемнадцать исполнилось. Близился день Великой Сдачи Годового отчёта. И, как на грех, самой красивой девушкой в клане Б-инь стала Василиса, а самым умным юношей из п-яней – Иван.

Закручинились ГлавУх и Мбиз. Не хотелось им единственных детей ЛогНА и его адептам отдавать. Да делать нечего. Не губить же два народа из-за собственных проблем.

Васька с Ванькой не захотели стать жертвами традиций и задумали бежать, куда глаза глядят. А именно, в пятидесятые земли, за Великое кольцо, где по преданиям никакой ЛогНА не дотянется. Обратились влюблённые к своим друзьям прогам. Попросили их помочь в побеге замысленном. И дали им головастые проги программу-самописку, флешку-свисток, фонарик-лунатик, клубок-навигатор да пароли от заморских счетов ГлавУха и Мбиза, которые они тщательно прятали от адептов ЛогНА. Но наказали воспользоваться ими не раньше, чем пересекут границу и по чуть-чуть, чтобы

не вызывать подозрений.

И вот, в ночь перед днём Великой Сдачи Годового отчёта, решились наши влюблённые бежать. Собрали свои нехитрые пожитки, еды в дорогу и документы: паспорт, ИНН и СНИЛС. Сначала хотели у Мбиза взять скакуна наилучшего – вороного Майбаха. Но конь был стреножен хитрым электронным замком, да и камер в конюшне было понатыкано видимо-невидимо. Тогда увели они старенькую кобылку Ладу, непонятно как сохранившуюся, и пустились в путь.

Долго ли, коротко, а километров через сто, заартачилась Лада, пеной покрылась и замертво свалилась. Хорошо ещё никто не пострадал. И пошли они горемычные пешком за клубком-навигатором, освещая путь фонариком-лунатиком.

Утром, как рассвело, обнаружили пропажу кланы, но вдогонку не спешили снаряжать погоню. Но что сказать адептам? И решили кланы взбунтоваться и сдать Годовой отчёт без жертв и дани. *“Доколе мы будем бояться бога Логна и его адептов?”* – кричали глашатаи на площадях обоих городов. – *“Нужно объединиться! Забыть былые разногласия! И вместе сделать Годовой отчёт!”*

Но Василиса и Иван ничего не знали о переменах в родных краях и убегали всё дальше и дальше, пока, наконец, не достигли пятидесятих земель. Там открыли они своё общество с ограниченной ответственностью “БиП” и стали оказывать услуги бухгалтерские. Не скоро сказка сказывается, да скоро бизнес делается. Потянулся к ним народ, кто за услу-

гою, а кто за подсказкою. Да и цены у них были нормальные, не то что в Златоглавой. Работали они дружно, любо-дорого посмотреть. И любое дело в их руках спорилось. А почему? Потому что любили они друг друга и уважали. То Василисушка ласково намекает Ивану, что сделка, которую он собирается проводить, невыгодная и большой данью облагаемая. А Иван аккуратненько, через точки контроля, присматривал за делами Василисы. Так и жили, не тужили. Скоро они наняли помощницу – Машеньку, которая одной левой управлялась аж с тремя медведями.

Но сколько верёвочке не виться, а кончик проявится. Рассердился колдун Логна, которого все давно за бога почитали, что не получил своих стандартных жертв и дань, и послал своих адептов беглецов искать. Ведь ему тогда не продлить своё бессмертие. Хорошо ещё за тысячи лет он собрал богатства несметные – есть чем с Чернобогом расплачиваться.

Рыскали адепты по земле русской три года три месяца и три дня, и в конце концов навели люди “добрые” на местоположение Василисы с Иваном и их предприятие. Не всем по нраву их предпринимательская деятельность пришлась. Настучали на них, как это принято у недобросовестных конкурентов.

И вот появились адепты Логна на пороге ООО “БиП”, да не одни, а с приспешниками другого “божка” – Трудоса. Начали они проверку выездную учинять: потребовали все документы отксерокопировать и отсканировать, каждую ци-

ферку в них доказать и пояснительных писем горы написать. Всю документацию проверили – ничего противоправного не нашли. Тут в дело вступили приспешники Трудоса. И давай Машу допрашивать на предмет обиды на своих работодателей. Но и тут ничего не добились: зарплата у нее была больше минимальной, “белая” и всеми податями облагаемая. Да и в отпуск Мария Потаповна согласно законодательству регулярно хаживала. Пришлось возвращаться им несолоно хлебавши.

Но не зря, как оказалось, приезжали они. Случилась радость великая. Увидела одна из адептов ЛогНА такой бухгалтер невиданный и вспомнила разом, кем была раньше. А была она мамой Василисы – Матроной, в жертву принесённой пятнадцать лет назад, и самым главным бухгалтером клана Б-инь. И сразу открылась Матрона дочери своей, рассказала, как принесли её в жертву ежегодную, как заколдовал её ЛогНА, в глаза гляючи, от чего забыла она семью свою и клан родной. Упали в объятия друг друга мать и дочь, обливаясь слезами радости. Также поведала Матрона влюблённым про восстание кланов против бога ЛогНА, про сдачу совместными усилиями Годового отчёта и отказ впредь приносить жертвы и дань. Обрадовались Василиса с Иваном и засобирались обратно на родину, царя ГлавУха порадовать, Мбиза проведать и прогов за дружбу и помощь поблагодарить. А вместо себя Машеньку главной оставили и разрешили себе в помощники трёх медведей взять, ибо они уже давно ручны-

ми и дрессированными стали.

Сели они на подаренный клиентом с Востока ковёр-самолет и поспешили домой. А там города в трауре. Несмотря на победу общую над жадным колдуном и долгожданное примирение, плакали цари и их народы над неизвестной судьбиною своих детей возлюбленных. Гадали, живы ли они, здоровы? Не сгнули ли на просторах великой земли русской?

Вот сидят они, кручинятся, п-яновский бренди пьют да бубликами закусывают. Вдруг видят ковёр-самолет, а на нём дети их здоровёхонькие да женщина смутно знакомая. Пригляделся ГлавУх и чуть от радости не помер – это же Матрона – жена его любимая, с которой уж не чаял он встретиться на этом свете.

На радостях таких простили детей своих цари-батюшки и заключили мир закадычный на все времена: помогать друг другу и уважать. Ведь, когда есть согласие между предпринимателями и бухгалтерами, можно горы свернуть и бизнес без проблем вести. А с Логна заключили сделку честную: не более десятины в год отдавать ему от прибыли и детей своих впредь к нему не посылать. Подумал Логна (помирать-то не хочется) и согласился.

Кланы тем временем, как водится, честным пирком да за свадебку. В честь свадьбы Василисы и Ивана закатали пир горой, каких свет не видывал. На праздник этот позвали всех от мала до велика, даже прогов. И я там среди прогов была, бренди столетний пила и всё куда надо и как надо попало.